

24 мая

Вирия Мана

24 Мая

<https://litres.ru/74393202>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они были золотом школы. Он — надеждой баскетбольной команды. Она — девочкой, которая подавала ему воду после тренировок. А потом его исключили. За один день он стал изгоем, а она — единственной, кто не отвернулся.

Провинциальный городок, последний месяц школы, сплетни, разлетающиеся быстрее Wi-Fi, и двое, которые расстались год назад из-за глупой ревности. Никита потерял всё: команду, друзей, смысл. Даша всё это время делала вид, что ей всё равно, хотя на самом деле продолжала ходить на его игры и прятаться за колонной.

А потом она подошла к нему с бутылкой воды. Это не была жалость. Это был выбор. Теперь им предстоит пережить косые взгляды, предательство подруг, разговор с директрисой и собственный страх — чтобы понять: их чувства настоящие, а не просто реакция на стресс.

За две недели до последнего звонка у них есть только один шанс доказать, что любовь сильнее слухов.

Вирия Мана

24 Мая

Глава 1

10 мая

школьный коридор

Майское солнце лицемерно светило, будто ничего не случилось. А случилось. Я это поняла, ещё не дойдя до стенда — по тому, как первоклашки шарахались от старших, а те жужжали, как осы над банкой варенья.

Я вытащила наушник — и мир ворвался в уши: чей-то истеричный смех, скрип половиц, голос завуча из динамика где-то на втором этаже. От тишины в наушниках до этого гама — как нырнуть в холодную воду. Нахмурившись, стала пробираться к информационному стенду. Изменили расписание? Но почему классуха не предупредила заранее?

Заметив моё приближение, старшеклассники — мои одноклассники и параллель — зашептались, косясь на меня. В чём дело? То тут, то там слышалось:

— Слышь, это же та, с которой он встречался... — донеслось слева слишком дерзко и громко.

— Фролов теперь никто... — шептались с другой стороны, будто боялись, что он их услышит.

Я остановилась как вкопанная, услышав знакомую фамилию. Давно я не слышала о себе и нём в одном предложении.

— А она всё равно к нему побежит...

Побегу? Нет. Больше нет. Теперь мы никто друг другу. И почему меня продолжают сравнивать с ним? Я лучше его. Гордо вскинув голову, активно заработала локтями. В первых рядах меня чуть не приложили носом прямо в стену, но я вовремя отпрыгнула.

Я окинула взглядом расписание на сегодня. Литература, история, обществознание. Вроде ничего не поменялось. Но толпа собралась не из-за этого. Тогда я перевела взгляд в раздел «Спорт» — и там, чуть сбоку, висел одинокий лист. Жирный шрифт кричал: «Приказ об отчислении из баскетбольной команды».

Дыхание перехватило, словно я прошла рядом с кучей воняющего мусора. «Фролов» — всплыла чужая фамилия у меня в голове. Надеюсь, я не увижу её тут. Но всё же она бросается мне в глаза и рябит, будто её выделили красным маркером.

Я выдыхаю весь накопившийся углекислый газ в лёгких. Никита Фролов отчислен из баскетбольной команды. На секунду все звуки стихли, и я слышала только стук собственного сердца. Буквы на листе поплыли, и я моргнула, чтобы прогнать наваждение. Не помогло. Фамилия Фролова никуда не делась. Я фыркнула, закатив глаза: сам виноват. Но рука, обхватившая лямку рюкзака, сжалась так больно, что на ладони остались следы от ногтей.

Интересно, что произошло? Фролов хорошо играл. Для

меня, ничего не смыслящей в баскетболе, он играл на уровне профессионала. Но у тренера, видимо, другое мнение.

Фотография Никиты с надписью «Гордость школы», что висела там года три, была заклеена белой бумагой. Скотч, кстати, дешёвый — уже отклеивается. Как и наша школьная солидарность. Порывы ветра из открытого окна поднимали лист вверх. Он словно махал на прощание баскетболу, пяти потраченным годам и мне.

Толпа рассасывается. Но я остаюсь стоять на месте. Учителя поторапливают учеников, бросая на меня странные взгляды. Они давно знали об этом решении. Город маленький, как-никак. Не удивлюсь, если эта информация дошла и до родителей.

Через просвечивающий лист бумаги видно улыбающегося Никиту. Светлые волосы с чёлкой, которую он поправлял лёгким движением руки. Глаза такого необычного цвета — болотные. Такие, будто на зелёный лес наступил туман. Когда Никита улыбается, он напоминает мне актёра Глеба Калюжного. Фролов дружелюбный, ласковый и общительный, будто золотистый ретривер. И некогда мой.

Под скрип половиц в пустом коридоре раздаются лёгкие, пружинистые шаги. Шаги, которые я узнаю из тысячи. В своё время они приносили мне радость от предстоящей встречи, сейчас — только лёгкую грусть и тоску.

Обернувшись, замечаю Никиту. Раньше он щеголял по школе в баскетбольной форме, с мячом подмышкой и улы-

бался всем вокруг так, что, глядя на него, невольно улыбался в ответ. А сейчас на нём серая худи без надписей и обычные джинсы. На рюкзаке болтался брелок — тот самый, что я подарила ему на годовщину. Я думала, он давно снял его, выкинул или потерял. А он висел. И от этого стало так больно, что я почти не заметила, как защипало глаза. Забыл? Или нарочно оставил, чтобы помнить?

Плечи Никиты ссутулены, руки в карманах, голова опущена вниз. Сейчас он тень самого себя. Будто мяч, из которого выпустили весь воздух, — он всё ещё похож на тот, что был, но бесполезен без игры. *И я не знала, как снова накачать его жизнью* Он прошёл мимо меня, даже не повернув головы. Но на мгновение его шаг замедлился — будто он хотел остановиться. А потом он продолжил идти. Я не знала, что это значило. Может быть, я просто хотела в это верить. И в этом безразличии было что-то хуже, чем если бы он посмотрел с ненавистью.

Я сделала шаг в его сторону — но остановилась. Что я хотела сделать? Обнять? Поддержать? Но боюсь, что Никита оттолкнёт меня. И я не вынесу этого во второй раз. Я обидела его в нашу последнюю ссору: хлопнула дверью перед его носом, перед этим наорав. А Никита молчал и не пошёл за мной следом, как делал всегда, когда мы ссорились.

Я думала, что переболела им ещё в прошлом году, выплакав все слёзы в подушку. Но когда увидела, как он проходит мимо и даже не замечает меня, будто я предмет мебели, по-

няля: нет, не переболела. Просто научилась притворяться. И, кажется, у меня хреново получается.

С горечью покачав головой, разворачиваюсь на пятках и иду на литературу. Мы будем слушать о вечной любви, о том, как поэты страдали и воспевали свои чувства. А я сидела в трёх метрах от человека, которого любила, и боялась сделать шаг. Какая же я поэтесса, ёлки-палки.

Глава 2

10 мая

столовая

На большой перемене в столовую, по ощущениям, стеклась добрая половина школы. В такой час тут не протолкнуться. Все столики были заняты, но, благо, мне заняли место подружки — Ксюша и Ульяна. Они шуршали, как обёртки от конфет, обсуждая Никиту. Вперемешку с запахом овсяной каши стоял гомон голосов. Голова гудела от этого гама. Старшеклассники обсуждали новую сплетню. Сплетни тут разлетались быстрее, чем школьный Wi-Fi, который на информатике грузил страницу с видео ровно до конца урока.

— Я слышала, что его выгнали за пьяную драку, — сказала Уля, даже не притронувшись к еде. Тарелка с овсянкой одиноко стояла перед её носом.

Я сделала вид, что не слышу, и принялась энергично мешать кашу, хотя она уже давно остыла.

Ксюша тоже не притронулась к каше. Она откусила яблоко

и с набитым ртом произнесла:

— Да ну! Он же не пьёт. Да, Даш? — и она ухмыльнулась, будто знала, что я отвечу нехотя.

Я зачерпнула ложкой кашу и смотрела, как, загустев, она не хотела падать с ложки, как бы я ни трясла рукой.

— А? — не сразу услышала я вопрос Ксюши. — Ну да. Ксюша хмыкнула.

— Он же спортсмен, — произнесла она с издёвкой.

Когда мы с Никитой ещё встречались, часто сидели за одним столиком вместе с Ксюшей и Ульяной, и они неплохо общались. Когда мы с Никитой ещё встречались, Ксюша и Ульяна часто сидели с нами за одним столиком. Они смеялись над его шутками и подкалывали меня, когда я краснела. А после расставания они приходили ко мне домой с пиццей и смотрели глупые фильмы, чтобы я не плакала. Я думала, они всегда будут на моей стороне. Но такое ощущение, что сейчас они его презирают. Мол, звёздный мальчик скатился. Его золотая корона упала с треском, разбившись о кафель.

— Я слышала, что Фролов защитил новенького, — пожала плечами Ксюша, с хрустом откусывая яблоко.

Услышав это, ложка в руке застыла. Я отодвинула кашу, потому что перехотела есть, и напрягла слух. Не в характере Никиты драться. Он предпочитал решать конфликт словами и уступками. На моей памяти Фролов ни разу не дрался. При мне точно.

— Старшие из команды зажали в углу новенького, вот

Фрол и заступился.

Ульяна хохотнула, прикрыв рот рукой.

— Человек чести! — и фыркнула, толкнув Ксюшу локтем.

Подперев щеку рукой, я отвернулась от девочек. Не хочу слушать, как они поливают грязью Никиту. Я смотрела в окно на серое майское небо и думала: если бы они знали его так, как я, они бы молчали. Я нахмурилась, когда заметила, что периодически на меня оглядывались с разных столиков. Вроде я услышала «бывшая» и «Никита» в одном предложении.

В центре столовой, как в эпицентре шторма, сидел Фролов. Мне пришлось привстать и вытянуть шею, чтобы разглядеть его получше. Перед ним нет тарелки с кашей и чашки чая. Никита даже не притворяется, что пришёл сюда поесть. Он один. Это так непривычно. Всего пару дней назад за его столиком разносился смех и шум голосов сокомандников. А сейчас Никита сидел, не поднимая головы, и ковырял пальцем облупившуюся краску стола. Я смотрела на него, и вдруг он поднял голову. Наши взгляды встретились на секунду — я замерла. Но он тут же отвёл глаза и снова устался в стол. Как будто боялся, что я увижу в них что-то лишнее. Нервная дрожь охватывает пальцы рук. Так сильно мне хочется накрыть его руку своей.

Парни из команды проходят мимо, бросая на него презрительные взгляды. Кто-то из них пинает стул, на котором сидит Никита, и говорит что-то колкое:

— Ну что, герой, теперь будешь сидеть на скамейке, как мы?

Фролов дёрнулся от неожиданности, не обращая внимания на бывших друзей. Желваки на его скулах заходили ходуном. Даже со своего места я слышала, как скрипнули его зубы — так сильно он их сжал. Я хочу подойти, но, вцепившись в стол мёртвой хваткой, сижу на месте. Никите не понравится жалость к себе. Особенно на глазах у всех. Да и мы теперь никто друг другу.

Глядя на него сейчас, я невольно перенеслась в тот день, когда всё сломалось.

Если бы не моя ревность, мы были бы до сих пор вместе. Год назад в школе открылась секция по черлидингу. Желающих девчонок было куча. Они толпами стояли у входа в спортзал. И случилось так, что отбор в команду черлидеров пришёлся в одно время с тренировкой баскетболистов.

Я, как обычно, сидела на скамейке, дожидаясь, пока Никита закончит. Лина из параллели прошла отбор, но домой не спешила. Она уселась на лавку на противоположной стороне спортзала, поближе к баскетболистам. Никита подбежал к скамейке вытереть пот полотенцем. Лина была тут как тут. Подсела поближе к нему, протянула бутылку воды, заулыбалась сахарной улыбкой, заведя с ним беседу. Никита, дружелюбный по натуре, стал ей отвечать.

Я сжала бутылку воды, которую держала в руках, так, что неплотно закрытая крышка соскочила, расплескав воду на

пол и на меня. Я была той, кто подавал воду Никите после тренировки. Лина дотронулась до его руки, мило заглядывая в глаза. Её пальцы задержались на его запястье на секунду дольше, чем нужно — я заметила это, и внутри что-то оборвалось. Не выдержав, я вскочила со скамейки, забрала свои вещи и ушла. Фролов, зараза, за мной не пошёл. Никогда не понимал, что мне нужно, чтобы он побежал за мной. А он просто стоял и смотрел, как я ухожу.

Ещё пару раз я видела его в компании этой Лины, и каждый раз кулаки сжимались. Появлялось острое желание оттащить её за волосы. Лина всё норовила его коснуться: то за руку возьмёт, то пылинки с кофты снимает. После очередного проявления телесности я не выдержала и закатила Никите скандал, крикнув: «Ты ей нужен больше, чем мне!» Я тогда ушла. А сейчас сижу здесь и не могу подойти снова.

Я так и сидела, вцепившись в стол, пока Ксюша не дёрнула меня за рукав:

— Даш, ты где?

А я не знала, где я. Где-то там, год назад, у закрытой двери. Я замечаю, что Никита на мгновение поднимает голову и смотрит в мою сторону. В его взгляде не было ни злости, ни надежды — только усталость. И от этого стало ещё больнее.

Глава 3

10 мая

Гаражи

После столовой я так и не могла сосредоточиться. На литературе смотрела в одну точку, на истории перепутала даты. К концу уроков голова гудела так, что я мечтала только об одном — добраться до подушки. И поэтому, выйдя из школы, я свернула не в сторону автобусной остановки, а в проулок между гаражами. Короткий путь. Рискованный, но сейчас мне было всё равно. Нехорошо идти красивой девушке одной через гаражи, но очень хотелось побыстрее попасть домой. Тяжёлый рюкзак давил на плечи, блузка кололась, туфли натёрли ступни.

Гаражный кооператив серый и унылый. Пахло бензином, сыростью и старым железом — тем особенным запахом, который въедается в одежду и не выветривается до самого дома. При дуновении ветра открытые двери противно скрипели, так будто кто-то провёл рукой по стеклу со звуком «хрррр». Я передёрнула плечами. Мурашки пошли по всему телу, в том числе и по голове. Брр.

Вдалеке из одного открытого гаража раздались звуки ругани. Кто-то кричал, доводя себя до предела, на своего собеседника. Я нахмурилась, остановившись. Мужчина с хриплым прокуренным голосом орал:

— Что я всегда говорил тебе?

Мужчина появляется из-за двери серого гаража. Одна ворота открыта. На ней красными буквами что-то написано. Вероятно, хулиганы оставили наскальную живопись от одной двери до другой. А когда открываешь двери, запись

разрывается, и прочитать, что написано, невозможно.

Мужчина в растянутой майке-алкоголичке достаёт из кармана таких же растянутых треников пачку сигарет. Зажимает одну губами, чиркает зажигалкой, прикуривая. Я прищурилась, пытаюсь разглядеть его. Делаю осторожный шаг в их сторону, но шуршу гравием под ногами и замираю, как испуганная лань в свете фар. Не хотелось бы попасть под горячую руку. А если мужчина — алкаш? Если он меня заметит, то что будет? Я оборачиваюсь назад, на множество таких же гаражей. Я уже столько прошла, и мой дом гораздо ближе. Не хотелось бы возвращаться домой, делать крюк через школу и идти домой длинной дорогой.

Молодой парень появляется перед мужчиной. Его светлые волосы в беспорядке, будто он то и дело запуская руку в волосы. Парень встаёт перед мужчиной, своим отцом, низко опустив голову. По гневной тираде отца я, так понимаю, парень провинился в чём-то.

— В этой жизни ты никто без победы, — продолжает мужчина, активно жестикулируя. Кажется, он даже нечаянно зарядил своему сыну по голове. Но парень не отреагировал: не отклонился, не посмотрел на отца. Молча всё терпел.

Шаг за шагом мне становилось лучше видно разорванную надпись, и я даже вспомнила её. Я редко хожу через гаражи, предпочитая путь к дому подлиннее и безопаснее. Такая же надпись была на гараже Никиты. Как-то раз на прогулке отец Никиты попросил Никиту что-то занести из инструмен-

тов в гараж. Отец Никиты — перекупщик. Покупает старые автомобили, переделывает и перепродает подороже. Я тогда впервые увидела эту надпись.

Граффити на гараже гласило: «Только замки сорвав, всё с подсознания поднимешь ключ от двери мироздания». Я совершенно забыла, что путь к дому по короткой дороге ведёт через гараж Фроловых. Даже тут судьба нас сталкивает. Будто мне мало видеть Никиту в школе и не иметь возможности подойти.

— А чёрт с тобой! — папа Никиты махнул рукой, сплюнув под ноги сына, и зашагал в противоположную от меня сторону. Кроссовки заскрипели по гравию, и этот звук долго не стихал, будто он уносил с собой последние крошки тепла. — Гараж закрой, — крикнул он, затягиваясь сигаретой так глубоко, что сигара почти догорает дотла.

Никита сел на шину, брошенную возле гаража. Он упёрся локтями в колени, низко опустив голову. Серая кофта-зипка начала будто душить его, потому что Никита зло потянул за воротник. Отец всегда требовал от сына только побед. Никита всегда должен был быть лучше других: хорошо учиться, играть в баскетбол как профессионал, и неважно, пришёл он в секцию неделю или пять лет назад.

Я прикусила губу, чтобы не разрыдаться. После ссор с отцом Никита как в воду опущенный. Когда мы встречались, Никита старался вести себя как обычно: веселился, дурачился, шутил, но я знаю, как ему тяжело. Я делаю осторож-

ные шаги в его сторону. С каждым шагом дыхание замирает. Сердце бьётся в ушах. Шаг. Ещё один.

Никита запускает руки в волосы и тянет, будто собираясь вырвать их. От этого слёзы собираются в уголках моих глаз. Будто почувствовав чужое присутствие, Никита поднимает голову, и наши взгляды встречаются — в его глазах мелькает что-то похожее на удивление, но тут же гаснет. Он щурится на солнце, пытаюсь разглядеть меня. Его губы шевелятся, будто хочет что-то сказать, но не решается.

Испугавшись, я гордо вскидываю голову, хватаюсь за лямку рюкзака до посиневших пальцев и прохожу мимо него. Я чувствовала его взгляд на своей спине, и он был тяжелее рюкзака. Ком в горле из-за невыплаканных слёз и невысказанных слов не даёт сглотнуть. Хочется развернуться, бросить рюкзак, как тяжёлую ношу, и спрятаться в объятиях любимого человека. Я не трусиха. Я просто не знала, что ему сказать. И боялась, что скажу не то.

Глава 4

11 мая

Школьный двор

Сонные старшекласники толкаются перед школьным крыльцом. Не успели мы дойти до классов, как нас дружно развернули и вернули на школьный двор, где проходило очередное мероприятие, посвящённое последним звонкам для будущих выпускников. Я плотнее кутаюсь в кардиган, стуча

зубами от холода. По утрам в начале мая пока ещё холодно — ветер пронизывает до костей, и даже кардиган не спасает, только добавляет ощущение, что я закуталась в мокрую тряпку.

На крыльцо вытащили колонку и микрофон. И директриса что-то вещает нам с верхней ступеньки. Рядом стоит завуч и активно кивает, соглашаясь с каждым словом. Из двух классов одиннадцатиклассников найдётся всего пара человек, кто активно слушает выступление директрисы. Остальные пытаются проснуться. Нельзя было провести сие торжество в стенах школы? Холодно же. Ещё чуть-чуть — и сопли появятся.

Я верчусь как юла, пытаюсь найти глазами Фролова, за что получаю укоризненный взгляд от классухи. Она прищуривается, глядя на меня, и я замираю, как в игре в «Кальмара». Классуха отворачивается, и я продолжаю озираться по сторонам. Так проходит несколько минут игр с классной руководительницей, пока я не нахожу взглядом Никиту. Он стоит позади всех, чуть в стороне. Руки засунуты в карманы. На моей памяти Никита никогда не использовал закрывающие жесты: не скрещивал руки и ноги. Он всегда держал их открытыми и на виду, демонстрируя предплечья светлой кожи с ярко выраженными венами. Я любила водить пальцами по ним и смотреть, как те убегают. Никита — прям любимчик для медсестёр. На диспансеризации они с первого раза брали у него кровь, а у меня не могли попасть и с десятого раза.

Он не смотрел на сцену и явно не слушал речи директрисы, а смотрел на школьные ворота, будто собирался свалить.

— От твоих вертений у меня уже голова закружилась, — зевнув, сказала Ксюша, обнимая Ульяну за руку и положив голову ей на плечо. Ульяна положила голову на голову Ксюши, прикрыв глаза.

Сердце забило чечётку, пока я сомневалась: приблизиться мне к Никите или нет. Я волновалась так же, как и перед первым свиданием с ним. Будто мы не знакомы с ним и нас не связывали отношения.

— Махнёмся? — дрожа не то от холода, не то от страха перед разговором с Никитой, предложила я стоящему за мной однокласснику. Мы стояли в два ряда, как в детском саду: спереди девочки, сзади мальчики.

— Неа, — Мирон отвлёкся от телефона, который удобно спрятал за моей спиной от глаз классухи. Он играл в Brawl Stars, а поменяться со мной местами означало прервать раунд и стоять с умным видом, что ему несвойственно.

— Мирон, ну очень надо, — я глянула на Никиту, который всем видом показывал, что ему тут некомфортно. Мирон обернулся, проследив за моим взглядом. Он ухмыльнулся.

— А что взамен?

Я вздохнула.

— Дам списать домашку.

Мирон хищно прищурился.

— Идёт, Котова.

Пока классуха не заметила, мы поменялись местами, и я спряталась за широкой спиной одноклассника. С его высоким ростом мой метр с кепкой не видно — будто я исчезла, растворилась, и никто не заметит, что я замышляю что-то нехорошее. Теперь я на шаг ближе к Фролову и разговору с ним. Ульяна посмотрела на меня одним глазом, как сонная кошка, будто она знала, что я задумала.

Я прикусила губу, делая маленький шаг назад, стараясь, чтобы никто ничего не заметил.

— Вы наша гордость! — высокопарно говорит директриса со своего места. Её голос эхом разносится по полупустому школьному двору. Я вздрагиваю, как от удара молнией. — А наша честь не должна быть запятнана.

Я смотрю на Никиту, который всё ещё стоит в стороне, и думаю: какая к чёрту честь, если она измеряется не поступками, а тем, кто удобен? Ну зачем? Зачем она сказала это именно сейчас, когда я хотела поговорить с Никитой? Ведь и дураку понятно, о ком она говорит. Я опускаю голову, разочарованно качая из стороны в сторону. Все начинают переглядываться и перешёптываться. Директриса не обращает на это внимания, продолжая свою речь.

Боковым зрением замечаю движение в параллельном классе. От старшеклассников отделяется маленькая пухленькая фигура — учитель математики и их классный руководитель по совместительству. Она подходит к Фролову и

что-то тихо говорит. Никита кивает, разворачивается и уходит.

Русичка замечает мою пропажу и строгим шёпотом велит вернуться на место.

Они говорили о чести. Но никто не сказал ни слова о том, что он защищал слабого. Потому что это было неудобно.

Глава 5

12 мая

Спортзал

Следующий день прошел как в тумане. Я видела Никиту в коридорах, но он не смотрел в мою сторону. А я не знала, как подойти. Поэтому в пятницу, когда Ксюша и Ульяна собрались в ТЦ, я сказала, что у меня дела. И пошла в спортзал.

— Ты с нами? — спрашивает Ксюша, отвлёкшись от обсуждения новой сплетни с Ульяной. Они так близки, что временами я им завидую. Прохожие пару раз говорили, что они сёстры, а девочки лишь хихикали, соглашаясь. Я чувствую себя третьей лишней.

— А? Нет.

Подруги собрались после школы заскочить в торговый центр. Увидели в TikTok у популярного визажиста новые румяна и тоже захотели себе такие. На тренды я не веду. У меня моих румян ещё полтюбика.

Я разблокирую экран телефона и подвисяю на секунду. На главном экране по-прежнему стоит наша с Никитой фо-

тография. На ней мы щека к щеке. Видны только наши глаза: его зелёные с карими крапинками, мои — простые серые, без примесей. Сердце скупающе ноет. Рука не поднялась сменить обои на стандартные. После расставания они приносили мне лишь боль. Стоило мне взять телефон в руки, как экран загорался, я смотрела в родные глаза и плакала. С каждым пройденным днём слёз становилось всё меньше. Не потому что время лечит — нет. Я просто привыкла жить с вечно сжимающимся сердцем от тоски.

Время — 14:17. Тренировка у баскетболистов идёт уже семнадцать минут. Я прощаюсь с девочками в холле школы. Они выходят на улицу, а я, минуя коридор, скрываюсь в спортивном зале. Знакомый запах пота, резины и старого линолеума ударил в нос. Я вдохнула его, как наркотик: он был пропитан годами тренировок, победами и, кажется, самим Никитой.

На носочках пробираюсь в своё излюбленное место — за колонну на трибуне. Я тут ошиваюсь целый год, тайком наблюдая за тренировкой. Пластик сиденья был холодным, и я поёжилась, хотя в зале было душно. Кажется, сидение приняло мою форму, оставив отпечаток моего мягкого места. Знаю, что глупо, но ничего не могу с собой поделать. Бросаю рюкзак под жёлтые облупленные сидения, закидываю ноги на впереди стоящее сиденье и кладу голову на колонну. Отсюда меня не видно, да и мне толком не видно. Я вижу только тренера Ефима Борисовича и парней, когда они строятся

перед ним, слушая замечания.

Я шарила глазами по площадке, как слепая, которая потеряла трость. Мне нужна была только одна красная футболка с номером 95 — но её не было.

Я помню, как Никита рассказывал, почему выбрал именно этот номер. Когда он пришёл в секцию, был популярен сериал про хоккей. Его любимым персонажем был парень с таким номером на джерси. Никита восторгался им и говорил, что, когда вырастет, будет таким же, как он: упорным и настойчивым, честным и искренним. Мне стало интересно, с кого он брал пример, и я посмотрела тот сериал. И если сравнивать Никиту и того персонажа, то и правда они одинаковые. Ещё я бы добавила, что они одинаково умеют трезво оценивать ситуацию. Они не действуют импульсивно: сначала думают, взвешивают варианты, а потом уже действуют. Замкнутые и необщительные. Мальчики довольно сдержаны в общении. Верны команде. Они ставят интересы коллектива выше личных.

Но Фролова нет. В груди будто разжалась пружина, которую я сжимала целый год. Теперь она просто лежала пустая, как мяч без воздуха. На его место поставили другого игрока. Тот разминается перед выходом на площадку, стуча мячом по полу. Мяч, как приклеенный, возвращается к нему в руки. Я сверлю взглядом тёмный затылок парня, представляя на его месте светлую макушку Никиты. Но чуда не случается, и волшебным образом подмены не происходит. Никиты

нет ни на поле, ни на скамейке запасных. В груди что-то предательски сжимается. Глупое сердце всё ещё тоскует по бегущей по площадке красной футболке с номером 95.

Достаю телефон, разматывая наушники, которые намотала вокруг него. Предательский телефон выскальзывает из рук, ударяясь о пол. В моих руках остаются только провода от наушников, болтающиеся из стороны в сторону, как маятник часов. Звук удара эхом разносится по спортзалу. Но баскетболисты не слышат этот звук за стуком мячей по полу. Он глухо ударялся о паркет, и каждый удар отдавался у меня в груди, будто кто-то бил в мой собственный пульс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.